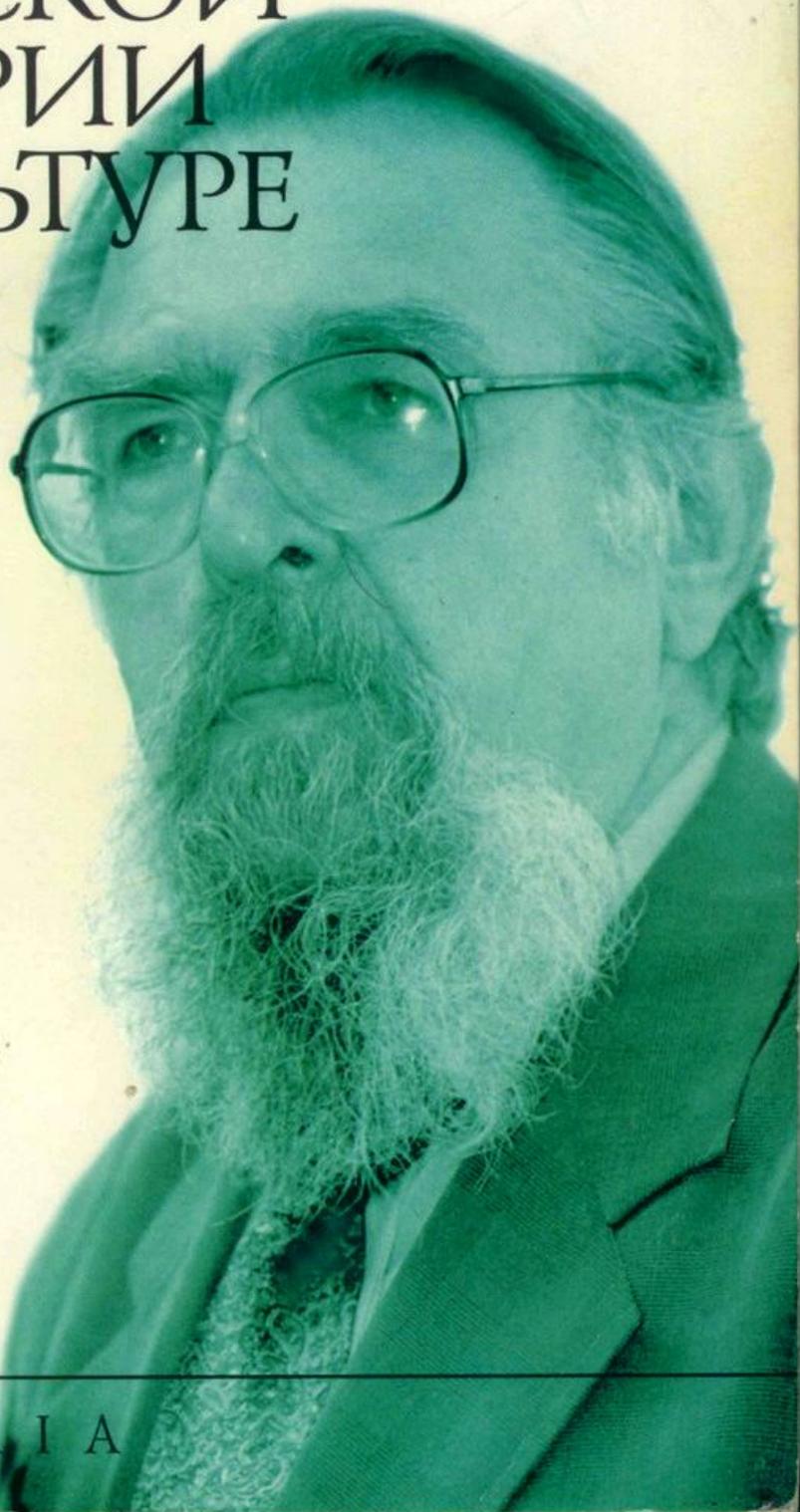

АЛЕКСАНДР ПАНЧЕНКО

О РУССКОЙ
ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЕ

A C A D E M I A

УДК 82

ББК 83.3(0)4+83.3(0)5

П16

Тексты печатаются по изданию:

Панченко А. М. Русская история и культура. СПб., 1999

Оформление Вадима Пожидаева

Панченко А. М.

П 16 О русской истории и культуре.— СПб.: Азбука, 2000. - 464 с.

ISBN 5-267-00274-7

А. М. Панченко — один из ведущих специалистов по русской истории и литературе переходного периода» (XVII в.). Его исследования одной из самых бурных эпох в истории древнерусской истории

и культуры — «бунташного» XVII века — стали классическими — это монографии «Русская стихотворная культура XVII века» и «Русская культура в канун Петровских реформ». Работы, представленные в данном сборнике, основаны на широком культурологическом подходе, сочетающем блестящее знание материала эпохи, точность анализа и живой, яркий стиль изложения.

А. М. Панченко изучает русскую культуру как живое целое, основанное на «топосах» — ее основополагающих ориентирах. Именно это делает работы ученого необыкновенно важными и актуальными как для академической науки, так и для русского культурного сознания. Книга предназначена для специалистов-филологов и историков, а также для всех, интересующихся историей русской культуры.

© А. М. Панченко, 2000

© А. М. Панченко, составление, 2000

© «Азбука», 2000

ISBN 5-267-00274-7

О книге А. М. Панченко. Я. Скатов	7
О РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ	
РУССКАЯ КУЛЬТУРА	
В КАНУН ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ	
Глава первая. «БУНТАШНЫЙ ВЕК»	13
Глава вторая. ИСТОРИЯ И ВЕЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	55
Глава третья. НА ПУТИ К СЕКУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ	79
Глава четвертая. КУЛЬТУРА КАК СОСТЯЗАНИЕ	211
О ТОПИКЕ КУЛЬТУРЫ	
(вместо заключения)	249
О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	
РАННИЙ ПУШКИН И РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ	281
РУССКИЙ ПОЭТ, ИЛИ МИРСКАЯ СВЯТОСТЬ КАК РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА	301
ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ДУШИ...	
КРАСОТА ПРАВОСЛАВИЯ И КРЕЩЕНИЕ РУСИ	321
ЮРОДИВЫЕ НА РУСИ	337
СКОМОРОХИ И «РЕФОРМА ВЕСЕЛЬЯ» ПЕТРА I	355
БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА - СИМВОЛ И ЛИЧНОСТЬ	369
ПЕТР I И ВЕРОТЕРПИМОСТЬ	385
ЛЕСКОВСКИЙ ЛЕВША КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА	396
МИФОЛОГЕМЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ	
ЛЕТОПИСНЫЙ РАССКАЗ ОБ АНДРЕЕ ПЕРВОЗВАННОМ И ФЛАГЕЛЛАНТСТВО	403
«ПОТЕМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ» КАК КУЛЬТУРНЫЙ МИФ	411
ОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА	426
Библиографическая справка	450
Принятые сокращения	452
Именной указатель	453

Память нации каждому крупному историческому персонажу стремится придать цельный, законченный облик. Памяти нации чужд протеизм. Она как бы «ваяет» своих героев. Иногда о таком «изваянии» можно говорить лишь условно: оно существует как некое «национальное ощущение», складываясь из разных фактов, оценок, эмоций, существует как аксиома культуры, не нуждающаяся в доказательствах и чаще всего не закрепленная в виде четкой формулы. Но в некоторых случаях «изваяние» исторического деятеля прямо отливается в словесную или пластическую форму. Это произошло с боярыней Федосьей Прокопьевной Морозовой, которая в памяти России осталась такой, как ее написал В. И. Суриков.

Разбирая споры и толки об этом полотне (оно было главным событием пятнадцатой передвижной выставки), Н. П. Кончаловская, внучка Сурикова, приводит среди прочих отзыв В. М. Гаршина: «Картина Сурикова удивительно ярко представляет эту замечательную женщину. Всякий, кто знает ее печальную историю, я уверен в том, навсегда будет покорен художником и не будет в состоянии представить себе Федосью Прокопьевну иначе, как она изображена на его картине» [цит. по: Кончаловская, 151]. Современникам трудно быть беспристрастными, и предсказания их сбываются не часто. Но Гаршин оказался хорошим пророком. За те сто с лишним лет, которые отделяют нас от пятнадцатой выставки передвижников,

369

суриковская Морозова стала «вечным спутником» всякого русского человека. «Иначе» действительно не представить себе эту женщину XVII в., готовую на муки и смерть ради дела, в правоте которого она убеждена. Но почему именно суриковская Морозова стала иконографическим каноном и историческим типом?

Прежде всего потому, что художник был верен исторической правде. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить композицию картины Сурикова с одной из сцен Пространной редакции «Повести о боярыне Морозовой». То, что мы видим на картине, произошло 17 или 18 ноября 1671 г. (7180-го, по старинному счету «от сотворения мира»). Боярыня уже три дня сидела под стражей «в людских хоробах в подклете» своего московского дома. Теперь ей «возложили чепь на выю», посадили на дровни и повезли в заточение. Когда сани поравнялись с Чудовым монастырем, Морозова подняла правую руку и, «ясно изобразивши сложение перст (старообрядческое двуперстие. — Л. Я.), высоце вознося, крестом ся часто ограждше, чепию же такожде часто звяцаше». Именно эту сцену «Повести...» выбрал живописец. Одну деталь он изменил: железное «огорлие», ошейник, надетый на боярыню, цепью прикреплялся к «стулу» — тяжелому обрубу дерева, которого нет на картине. Морозова была не только «железы тяжкими обложена», но и «неудобством стула томима», и этот чурбан лежал подле нее на дровнях. Люди XIX в. знали кандалы иного устройства (их подробно описал в «Мертвом доме» Достоевский). Художник, видимо, здесь решил не отступать от обыкновений своего времени: холст — не книга, к нему не приложишь реальный комментарий.

Однако верность древнерусскому источнику еще не объясняет вполне судьбы «Боярыни Морозовой», ее роли не только в русской живописи, но и в русской культуре вообще. В своих прекрасных полотнах о других выдающихся людях Суриков тоже не грешил против истины, но персонажи этих полотен «представимы» и в других обличьях, «иначе». Конечно, героев «Перехода Суворова через Альпы» и «Меншикова в Березове» мы вольно или невольно сравниваем с их прижизненными портретами. Но

370

ведь с Ермака Тимофеевича и со Стеньки Разина «парсун» не писали, так что возможности для сравнения нет, и все же ни суриковский Ермак, ни суриковский Разин не стали каноническими «изваяниями».

Дело в том, что задолго до Сурикова в национальном сознании боярыня Морозова превратилась в символ — в символ того народного движения, которое известно под не

совсем точным названием раскола. В сущности, у этого движения два символа: протопоп Аввакум и боярыня Морозова, духовный отец и духовная дочь, два борца и две жертвы. Но и воителей, и страдальцев при начале раскола были многие тысячи. Почему в исторической памяти остался Аввакум — понятно. Аввакум гениален. У него был совершенно исключительный дар слова — и, следовательно, дар убеждения. Но почему Россия остановила выбор на Морозовой?

На картине Сурикова боярыня обращается к московской толпе, к простолюдинам — к страннику с посохом, к старухе нищенке, к юродивому, и они не скрывают своего сочувствия вельможной узнице. Так и было: мы знаем, что за старую веру поднялись низы, для которых посягательство властей на освященный веками обряд означало посягательство на весь уклад жизни, означало насилие и гнет. Мы знаем, что в доме боярыни находили хлеб и кров и странники, и нищие, и юродивые. Мы знаем, что люди ее сословия ставили Морозовой в вину как раз приверженность к «простецам»:

«Приимала еси в дом... юродивых и прочих таковых... их учения держася». Но был еще один человек, к которому в тот ноябрьский день простирала два перста Морозова, для которого она бряцала цепями. Этот человек — царь Алексей Михайлович.

Чудов монастырь находился в Кремле. Боярыню везли около государева дворца.

«Мняше бо святая, яко на переходех царь смотряет», — пишет автор Повести, и пишет скорее всего со слов самой Морозовой, к которой он был очень близок и с которой имел случай разговаривать и в тюрьме (очень интересные соображения о личности автора приводятся в исследовании А. И. Мазунина [см.: Повесть о боярыне Морозовой]). Неизвестно, глядел ли царь на боярыню с дворцовых переходов, под которыми ехали

371

сани, или не глядел. Но в том, что мысли о ней прямо-таки преследовали Алексея Михайловича, нет ни малейшего сомнения. Для царя она была камнем преткновения: ведь речь шла не о рядовой послушнице, а о Морозовой. Чтобы понять, как громко звучало в XVII в. это имя, необходимо совершить генеалогический экскурс в далекие времена¹.

Когда в 1240 году князь Александр Ярославич разгромил шведов на Неве, то в этой битве особо отличились «шесть муж храбрых, иже мужествоваша... крепко», о которых рассказано в Житии Александра Невского². Один из них, Гаврило Алексич, гоня врагов, в пылу боя въехал по сходне на шведский корабль, и «свергоша его с доски с конем в Неву. Божию милостию изыде оттоле неврежден, и паки наеха, и бися с самим воеводою посреде полку их». Другой витязь, Миша (он же Михаил Прушанин), «пеш с дружиною своею натече на корабли и погуби три корабли». Из шести «храбров» мы выбрали этих двух старших дружинников (или бояр, что одно и то же), так как в XVII в. судьбы их поздних потомков снова переплелись и соприкоснулись с судьбой боярыни Морозовой.

При внуке Александра Невского Иване Даниловиче Калите, первом князе московского удела, получившем ярлык на великое княжение, потомки этих витязей переезжают в Москву и дают начало крупнейшим боярским фамилиям. От Гаврилы Алексича, который, согласно родословцам, был правнуком Ратши, пошли Челяднины, Федоровы, Бутурлины, Пушкины. От Миши Прушанина — Морозовы, Салтыковы, Шеины. По славе и положению соперничать с этими фамилиями могли только два-три боярских рода — такие, как род Александра Зерна (Вельяминовы-Зерновы, Сабуровы и Годуновы) и род Андрея Кобылы, пятый сын которого, Федор Кошка, стал предком Романовых и Шереметевых.

Когда в XV в. настал конец уделов, в Москву, отныне стольный город всея Руси, на службу к Ивану III хлынул

¹ О генеалогии Морозовых и других боярских родов см. в кн.: Веселовский.

² Житие Александра Невского цит. по кн.: Изборник.

372

поток Рюриковичей. Но несколько виднейших линий нетитулованного боярства устояло перед наплывом княжат, не потеряло «чести и места». В глазах людей эпохи опричнины Ивану Грозному противостоял не столько его ровесник и бывший друг, а потом мятежник и беглец Курбский, происходивший из князей ярославских удельных, сколько отпрыск Гаврилы Алексича в девятом колене, богатейший боярин Иван Петрович Федоров, который годился царю в отцы. И не случайно в 1567 г. «венчанный гнев», заподозрив в заговоре этого всеми уважаемого за справедливость человека, имевшего высший чин конюшего и возглавлявшего правительство земщины, обставил расправу с ним как сцену соперничества. Грозный велел одеть Федорова в царские бармы, дать ему скипетр и посадить на трон. Затем царь «по Божьему изволению», поклонившись ему в ноги и воздав все почести по дворцовому обычаю, своими руками зарезал ряженого царя. Нет ничего странного в том, что Иван Грозный, гордившийся древностью своего рода и возводивший его через Рюрика к самому императору Августу, видел соперника в человеке без княжеского титула. У наших предков были свои понятия о знатности, которые сильно отличались от наших понятий. Быть потомком Рюрика или Гедемина — само по себе это значило не очень много. «В Московской Руси место человека на лестнице служебных чинов... определялось не только происхождением, но и сочетанием служебной годности и служб человека с учетом его родовитости, т.е. служебного уровня его „родителей“, родичей вообще, а в первую очередь его прямых предков — отца, деда и т. д. по прямой и ближайшим боковым линиям» [Веселовский, 103]. Предки И.П. Федорова «были так „велики“ и всем хорошо известны, что в различных актах назывались по имени и отчеству и не пользовались никаким фамильным прозвищем» [Веселовский, 55]. Большинство князей не могло и подумать о том, чтобы равняться с ними, ибо титул и знатность в глазах древнерусского общества — вовсе не одно и то же. Покажем это на примере князя Д. М. Пожарского, происходившего из младшей линии стародубских князей. Признаваемый всеми русскими людьми, «от царя до пса»,

373

спасителем отечества этот национальный герой испытал немало унижений. Он то и дело проигрывал местнические споры, потому что его отец и дед «потеряли честь», служа городовыми приказчиками и губными старостами. Князь Д. М. Пожарский был хоть и рюриковой крови, но худородный. Для нас такое сочетание выглядит как оксюморон, но в старину отличали князей худородных от князей «великородных». Как-то раз Пожарский не захотел служить «местом ниже» Бориса Салтыкова, дальнего родича Морозовых. Тот бил челом о бесчестье царю Михаилу, и потомок Рюрика, спаситель России был «выдан головой» потомку Миши Прушанина¹.

Эти древнерусские понятия о родовитости объясняют, почему нельзя считать исторической несообразностью то, что после Смуты выморочный престол достался нетитулованному, но «великому» «Кошкину роду», что Мономахова шапка оказалась на голове Михаила Романова. Будь судьба благосклоннее к Федоровым или к Морозовым, они тоже могли стать основателями новой династии.

Морозовы в XV—XVI вв. сохранили исключительно высокое положение. В полутора столетний промежуток от Ивана III до Смуты из этой фамилии вышло до тридцати думцев, бояр и окольничих. Хотя опалы и казни Грозного не обошли и Морозовых (в 60-х гг. «выбыл» боярин Владимир Васильевич, в 70-х — его двоюродный брат, знаменитый воевода боярин Михаил Яковлевич, — люди поколения И. П. Федорова); хотя к моменту воцарения Романовых остались считанные представители этого рода, которому суждено было пресечься в XVII в., но именно

¹ «В буквальном смысле слова это означало выдачу обвиненного в полное холопство. В местнических делах „выдача головой“... имела символическое и бытовое значение. Обвиненный местник с покорным видом, с непокрытой головой шел на двор своего нового господина.

Последний,

вероятно в присутствии чад, домочадцев и всей дворни, делал местнику более или менее суровое внушение, давал ему почувствовать в полной мере свою власть и затем милостиво прощал.

Смотря

по взаимным отношениям столкнувшихся лиц и фамилий, дело могло окончиться либо подобной

сценой, либо полным примирением. Оправданный по суду приглашал к себе в дом выданного ему

„головой" местника, и недавние враги за чаркой вина добросовестно старались устранить моменты

личной обиды» [Веселовский, 104].

374

время правления двух первых Романовых было для Морозовых временем наибольших успехов.

Двое из них, братья Борис и Глеб Ивановичи, в юности были спальниками своего сверстника Михаила Федоровича, т. е. «домашними, комнатными, самыми приближенными людьми» [Забелин, 101]. Это назначение, по-видимому, они получили по родству и свойству с Романовыми. Достаточно сказать, что один из их родичей был прадедом матери царя Михаила, а два других родича, Салтыковы, его двоюродными братьями. Борис Иванович Морозов был пожалован в бояре в 1634 г., в связи с назначением в дядьки к царевичу Алексею Михайловичу. Когда в 1645 г. Алексей по семнадцатому году венчался на государство, его пестун стал временщиком, «сильным человеком». Как тогда выражались, царь «глядел у него изо рта».

В июне 1648 г. в Москве разразился мятеж, «всколыбалася чернь на бояр» — и прежде всего на Бориса Морозова. Но и это ему не особенно повредило: царь со слезами «выпросил» у мира своего кормильца, Дядька крепко держал в руках своего воспитанника и сам, пустив в ход всю ловкость и влияние, выбрал ему невесту из худородных Милославских, Марию Ильиничну. На свадьбе Борис Морозов играл первую роль — был у государя «во отцово место». Через десять дней сыграли еще одну свадьбу: Борис Морозов, вдовец и человек уже пожилой, женился вторым браком на царицыной сестре Анне и сделался царским свояком.

Из своего совершенно исключительного положения он извлек все, что можно. В 1638 г. Борис Морозов владел тремястами с лишком крестьянских дворов. Это хорошее, но обыкновенное для боярина того времени состояние. Пятнадцать лет спустя за ним числилось 7254 двора, в двадцать раз больше! [См. Водарский, 93} Это — неслыханное богатство. Столько же дворов было лишь у царева дяди Никиты Ивановича Романова да у одного из князей Черкасских, Якова Куденетовича. Все остальные бояре, титулованные и нетитулованные, уступали Борису Морозову во много раз¹.

¹ Для сравнения укажем, что, по расчету Я. Е. Водарского, в это время у думных людей было в среднем дворов у бояр по 1567, у окольничих по 526, у думных дворян по 357 [Водарский, 74].

375

Карьера Глеба Ивановича Морозова, человека вполне заурядного, — как бы отражение карьеры старшего брата. Начали они одинаково — спальниками царя и дядьками царевичей. Но царевич Иван Михайлович, к которому был приставлен Глеб Морозов, сделанный по этому случаю боярином, умер малолетним. С этого времени продвижение Глеба Морозова замедлилось и всецело зависело от успехов брата. Как и последний, он тоже женился во второй раз и тоже на худородной — на 17-летней красавице Федосье Прокопьевне Соковниной. Соковнины, лихвинские и карачевские дети боярские, попали в среду московской знати по близкому родству с Милославскими. Федосья Прокопьевна, скорее всего, была выдана за Глеба Морозова «из дворца». Она стала «приезжей боярыней» царицы (это была большая честь), которая всегда обходилась с ней по-родственному и, пока была жива, всегда заступалась за нее перед царем.

Борис Морозов умер в 1662 г. бездетным. Его вотчины наследовал младший брат,

который и сам был очень достаточным человеком (2110 дворов по росписи 1653 г. [Водарский, 93]). Почти одновременно с Борисом скончался и Глеб Иванович, и единственным владельцем этого громадного состояния, уступавшего, быть может, только состоянию «именитых людей» Строгановых, оказался отрок Иван Глебович, а на деле его мать Федосья Прокопьевна Морозова.

Ее окружало не только богатство, но и роскошь. Роскошным был ее московский дом. Аввакум вспоминал, что она выезжала в карете с «мусиею и серебром», которую везли «аргамаки многи, 6 или 12, с гремлячими цепьми» и которую сопровождало «100 или 200, а иногда человек и триста» слуг [Материалы для истории раскола, 182—183]. Роскошь проникала и в подмосковные вотчины, что тогда было ново и непривычно. Дело в том, что по старинной традиции боярские вотчины имели чисто хозяйственное назначение. Первым эту традицию нарушил царь Алексей Михайлович, который завел под Москвой несколько роскошных усадеб. Среди них выделялись Измайлово и Коломенское, «восьмое чудо света». Не отставал от царя и его дядька, устроивший с большой пышностью свое село

376

Павловское в Звенигородском уезде, которое стало «подобием дачи», куда боярин «выезжал для развлечений... приглашая в гости... иногда и самого царя» [Петрикеев, 46]. Их примеру следовал и Глеб Морозов. В хоромах его подмосковного села Зюзина полы были «писаной шахмат», сад занимал две десятины, а на дворе разгуливали павлины и павы [см. Тихонов, 139—140]. В данном случае царь и братья Морозовы подражали Европе, и прежде всего польским «потентатам». Именно в XVII в., в эпоху барокко, в Польше начался расцвет усадебной жизни. В походах середины 50-х гг. царь имел возможность лицезреть роскошные резиденции магнатов. В этих походах, между прочим, участвовал также Глеб Морозов, состоявший при особе государя.

Учитывая все это — древность и «честь» фамилии Морозовых, их родственные связи с царем и царицей, их положение в думе и при дворе, их богатство и роскошь частной жизни, — мы лучше пойдем протопопа Аввакума, который видел нечто совершенно исключительное в том, что боярыня Морозова отреклась от «земной славы»: «Не дивно, яко 20 лет и единое лето мучат мя: на се бо зван есмь, да отрясу бремя греховное. А се человек нищей, непородней и неразумной, от человек беззаступной, одеяния и злата и серебра не имею, священническа рода, протопоп чином, скорбей и печалей преисполнен пред Господом Богом. Но чюдно о вашей честности помыслить: род ваш, — Борис Иванович Морозов сему царю был дядька, и пестун, и кормилец, болел об нем и скорбел паче души своей, день и ночь покоя не имущ» [Аввакум, 216]. Аввакум в данном случае выражал народное мнение. Народ признал Морозову своей заступницей именно потому, что она добровольно «отрясла прах» богатства и роскоши, добровольно сравнялась с «простецами».

Мы лучше пойдем и поведение московской знати. Не преуспев в попытках образумить заблудшую овцу, увидев, что тщетны даже призывы к материнским ее чувствам, знать все же долго противилась архиереям, которые с таким рвением вели дело боярыни. Особенно усердствовали невежественный Иоаким, тогда чудовский архимандрит, и митрополит Сарский и Подонский Павел - оба

377

люди крайне жестокие. Но даже мягкий патриарх Питирим изменил своему нраву, когда понял, как ненавидит Морозова его «никонианскую веру». «Ревый, яко медведь» (по словам автора Повести), патриарх приказал тащить боярыню, «яко пса, чепию за выю», так что Морозова на лестнице «все степени главою своею сочла». А Питирим в это время кричал: «Утре страдницу в струб!» (т.е. на костер, потому что тогда было принято сжигать людей «в сруб»). Однако снова «боляре не потянули», и архиереям пришлось уступить.

Конечно, знать защищала не столько человека, не Федосью Морозову как таковую, сколько сословные привилегии. Знать боялась прецедента. И, лишь убедившись, что дело это для нее в сословном отношении безопасно, что оно «не в пример и не в

образец», зная отеклась от боярыни Морозовой. На заблудшую овцу теперь стали смотреть как на паршивую овцу — по пословице «В семье не без урода, а на гумне не без урона».

Только братья Морозовой, Федор и Алексей Соковнины, остались ей верны, как была ей верна и княгиня Евдокия Урусова, ее младшая сестра, которая страдала и умерла с нею вместе. Царь Алексей поспешил удалить обоих братьев из Москвы, назначив их воеводами в маленькие города. Это была ссылка, которую никак нельзя назвать почетной. Видимо, царь знал или подозревал, что с сестрами у Соковниных не только кровная, но и духовная связь, что все они стоят за «древнее благочестие». Видимо, царь их опасался — и не без оснований, как показали позднейшие события.

4 марта 1697 г. окольный Алексей Прокопьевич Соковнин, «потаенный раскольник», окончил свои дни на плахе. Его обезглавили на Красной площади — за то, что вместе со стрелецким полковником Иваном Цыклером он стоял во главе заговора на жизнь Петра I. Среди казненных заговорщиков был и стольник Федор Матвеевич Пушкин, женатый на дочери Алексея Соковнина. Пушкины, как самая слабая по «чести и месту» ветвь рода Гаврилы Алексича, начали возвышаться в конце XVI в., после гибели в опричное время более знатных родичей. XVII в. был для Пушкиных периодом наибольших успехов, но

378

окончился он их катастрофой — неожиданной и незаслуженной, потому что казнь одного заговорщика обернулась фактической опалой для всей многочисленной фамилии. Если Морозовы в XVII в. вымерли в буквальном смысле слова, то Пушкиным судьба готовила политическую смерть: отныне и навсегда они были извергнуты из правящего слоя.

Но вернемся к противоборству боярыни Морозовой и царя Алексея. Царь и после разрыва с Никоном остался верен церковной реформе, так как она позволяла ему держать Церковь под контролем. Царя очень беспокоило сопротивление старообрядцев, и поэтому он давно был недоволен Морозовой. Он, конечно, знал, что дома она молится по-старому; видимо, знал (через свояченицу Анну Ильиничну), что боярыня носит власяницу, знал и о переписке ее с заточенным в Пустозерске Аввакумом и о том, что московские ее палаты — пристанище и оплот старообрядцев. Однако решительных шагов царь долго не предпринимал и ограничивался полумерами: отбирал у Морозовой часть вотчин, а потом возвращал их, пытался воздействовать на нее через родственников и т. п. В этих колебаниях велика роль печалований царицы Марии Ильиничны, но не стоит сводить дело лишь к ее заступничеству. Ведь после ее кончины (1669 г.) царь еще два с половиной года щадил Морозову. Судя по всему, он довольствовался «малым лицемерием» Морозовой. Из Повести ясно, что она «приличия ради... ходила к храму», т. е. посещала никонианское богослужение. Все круто переменилось после ее тайного пострига.

Если боярыня Федосья «приличия ради» могла кривить душой, то инокине Феодоре, давшей монашеские обеты, не пристало и «малое лицемерие». Морозова «нача уклоняться» от мирских и религиозных обязанностей, связанных с саном «верховой» (дворцовой) боярыни. 22 января 1671 г. она не явилась на свадьбу царя с Натальей Кирилловной Нарышкиной, сославшись на болезнь: «Ноги ми зело прискорбны, и не могу ни ходити, ни стояти». Царь не поверил отговорке и воспринял отказ как тяжкое оскорбление. С этого момента Морозова стала для него личным врагом. Архиереи ловко играли на этом. В ходе

379

спора о вере они поставили вопрос прямо (в прямоте и крылся подвох): «В краткости вопрошаем тя, — по тем служебником, по коим государь царь причащается и благоверная царица и царевичи и царевны, ты причастиши ли ся?» И у Морозовой не оставалось иного выхода, как прямо ответить: «Не причащуся».

Автор Повести вкладывает в уста царя Алексея Михайловича знаменательные слова, касающиеся его распри с Морозовой: «Тяжко ей братися со мною — един кто от нас

одолеет всяко». Вряд ли эти слова были когда-нибудь произнесены: не мог же в самом деле самодержец всея Руси хоть на миг допустить, что его «одолеет» заколдованная в непокорстве боярыня. Но вымысел имеет в своем роде не меньшую историческую ценность, нежели непреложно установленный факт. В данном случае вымысел — это глас народа. Народ воспринимал борьбу царя и Морозовой как духовный поединок (а в битве духа соперники всегда равны) и, конечно, был всецело на стороне «поединщицы». Есть все основания полагать, что царь это прекрасно понимал. Его приказание умирить Морозову голодом в боровской яме, в «тме несветимой», в «задухе земной» поражает не только жестокостью, но и холодным расчетом. Дело даже не в том, что на миру смерть красна. Дело в том, что публичная казнь дает человеку ореол мученичества (если, разумеется, народ на стороне казненного). Этого царь боялся больше всего, боялся, что «будет последняя беда горши первая». Поэтому он обрек Морозову и ее сестру на «тихую», долгую смерть. Поэтому их тела — в рогоже, без отпевания — зарыли внутри стен воровского острога: опасались, как бы старообрядцы не выкопали их «с великою честью, яко святых мучениц мощи». Морозову держали под стражей, пока она была жива. Ее оставили под стражей и после смерти, которая положила конец ее страданиям в ночь с 1 на 2 ноября 1675 г.

Создавая символ, история довольствуется немногими крупными мазками. Частная жизнь для национальной памяти безразлична. Быт брэнного человека, его земные страсти — все это мелочи, их уносит река забвения. В та» кой избирательности есть свой резон, потому что исто-

380

рия запоминает прежде всего героев, но есть и опасность, потому что подлинный облик человека невольно искажается.

От суриковской Морозовой веет духом фанатизма. Но считать ее фанатичкой неверно. Древнерусский человек в отличие от человека просветительской культуры жил и мыслил в рамках религиозного сознания. Он «окормлялся» верой как насущным хлебом. В Древней Руси было сколько угодно еретиков и вероотступников, но не было атеистов, а значит, и фанатизм выглядел иначе. Боярыня Морозова — это характер сильный, но не фанатичный, без тени угрюмства, и недаром Аввакум писал о ней как о «жене веселообразной и любовной» (любезной) [Аввакум, 296]. Ей вовсе не чужды были человеческие страсти и слабости.

О них мы узнаем прежде всего от Аввакума, который по обязанности духовного отца наставлял, бранил, а иногда и ругательски ругал Морозову. Разумеется, бранчивость Аввакума далеко не всегда нужно принимать за чистую монету. Часто это был «терапевтический», целительный прием. Когда Морозова в тюрьме убивалась по умершем сыне, Аввакум писал ей из Пустозерска сердитое письмо, даже назвал ее «грязь худая», а закончил так: «Не кручинься о Иване, так и бранить не стану» [Аввакум, 213]. Но в некоторых случаях упреки духовного отца кажутся вполне основательными.

После смерти старого мужа Морозова осталась молодой, тридцатилетней вдовой. Она «томила» тело власяницей, но и власяница не всегда помогала. «Глупая, безумная, безобразная,— писал ей Аввакум,— выколи глазища те свои челноком, что и Матридия»¹ [Аввакум, 208]. Аввакум имел в виду пример преподобной Матридии, Житие

¹ Эту фразу любопытно сопоставить с одним случаем из молодости Аввакума, о котором он рассказал в своем Житии: «Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу... повинна... Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь

жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил

руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение» [Аввакум, 60]. Здесь Аввакум прямо поступил «по Прологу»: в Прологе под 27 декабря есть аналогичный рассказ о монахе и блуднице.

которой боярыня знала по Прологу (под 24 ноября). Героиня этого Жития выколола себе глаза, чтобы избавиться от любовного соблазна.

Аввакум уличал Морозову в скупости: «А ныне... пишешь: оскудала, батюшко; поделитца с вами нечем. И я лише разсмеялся твоему несогласию... Милостыня от тебя истекает, яко от пучины морския малая капля, и то с оговором» [Барсков, 34]. Со своей точки зрения Аввакум был прав. Когда мы читаем, что боярыня послала в Пустозерск восемь рублей, «батюшку два рубли одному, да ему ж на подел шесть рублей з братьею Христовою» [Барсков, 37]¹, то мы невольно вспоминаем о золоте и драгоценностях, которые она прятала от властей. В данном случае с Аввакумом нельзя не согласиться. Однако это была не просто скупость, а и домовитость рачительной хозяйки. Морозова по своему положению была «матерая вдова», т. е. вдова, которая управляет вотчинами до совершеннолетия сына. Поэтому она и пеклась о том, «как... дом строен, как славы нажить больше, как... села и деревни стройны» [Барсков, 34]. «Матерая вдова» хранила для сына богатства, накопленные его отцом и дядей. Она надеялась, что сын, как бы ни сложилась судьба матери, будет жить в «земной славе», приличествующей его знаменитому роду.

Морозова очень любила своего Ивана. Чувствуя, что терпению царя приходит конец, что беда у порога, она спешила женить сына и советовалась с духовным отцом насчет невесты: «Где мне взять — из добрыя ли породы, или из обышняя. Которыя породю полутче девицы, те похуже, а те девицы лутче, которыя породю похуже» [Барсков, 41—42]. Эта цитата дает наглядное представление о Морозовой. Ее письма — женские письма. Мы не найдем в них рассуждений о вере, зато найдем жалобы на тех, кто смеет «абманавать» боярыню, найдем просьбы не слушать тех, кто ее обносит перед протопопом: «Што х тебе ни лишить, то все лош» [Барсков, 38—39]. Та, что

¹ Конечно, восемь рублей — немалые деньги по тем временам. Но Аввакуму и его пустозерским «соузникам» приходилось тратить больше, чем какому-нибудь жителю Москвы. Вот пример: чтобы

отослать письмо Морозовой, Аввакуму пришлось дать стрельцу целую полтину.

382

диктовала, а иногда своей рукой писала эти «грамотки», — не мрачная фанатичка, а хозяйка и мать, занятая сыном и домашними делами.

Поэтому понятно ее «малое лицемерие», понятны колебания, которые отразились и в Повести. Там, где речь идет о пытке, автор пишет, что Морозова и с дыбы «победоносно» обличала «лукавое их отступление». Здесь очевидно влияние житийного канона, согласно которому страдалец за веру всегда переносит пытки не только мужественно, но и «радостно». Но гораздо сильнее и по-человечески достовернее конец этого эпизода, когда боярыня заплакала и сказала одному из надзиравших за пыткой: «Се ли Християнство, еже сице человека умучити?» И умирала она не как житийная героиня, а как человек. «Раб Христов! — взывала замученная голодом боярыня к сторожившему ее стрельцу. — Есть ли у тебе отец и мати в живых или преставилися? И убо аще живы, помолимся о них и о тебе; аще ж умроша — помянем их. Умилосердися, раб Христов! Зело изнемогах от глада и алчу ясти, помилуй мя, даждь ми колачика». И когда тот отказал («Ни, госпоже, боюся»), она из ямы просила у него хотя бы хлебца, хотя бы «мало сухариков», хотя бы яблоко или огурчик — и все напрасно.

Человеческая немощ не умаляет подвига. Напротив, она подчеркивает его величие: чтобы совершить подвиг, нужно быть прежде всего человеком.

ЛИТЕРАТУРА

Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М, 1960.

Барсков. *Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.

Веселовский. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Водарский. *Водарский Я. Е.* Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // *Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII вв.*: Сб. памяти А. А. Новосельского. М., 1975.

383

Забелин. *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии. 3-е изд. М., 1901.

Изборник. *Изборник: Сборник произведений литературы Древней Руси.* М., 1970.

Кончаловская. *Кончаловская Н. П.* Дар бесценный. М., 1965.

Материалы для истории раскола. Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н.Субботина. М., 1879. Т. 5. Ч. 2.

Петрикеев. *Петрикеев Д. И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л., 1967.

Повесть о боярыне Морозовой. Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979.

Тихонов. *Тихонов Ю.А.* Подмосковные имения русской аристократии во второй половине XVII — начале XVIII в. // *Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.*: Сб. памяти А. А. Новосельского., 1975.

384